

— Хозяин, мы благополучно прибыли в новый мир для выполнения задания.

Стараясь не обращать внимания на то, как скрипит при каждом движении продавленная кровать, Чэнь Хэмин потер виски и на мгновение замолчал. И правда, сколько бы раз он ни перемещался, к этому грубому способу «посадки» привыкнуть невозможно — ощущение, будто тебя восемьсот раз прокрутили в стиральной машине.

подавив дурноту, Чэнь Хэмин привычным жестом поймал кружащийся перед глазами молочно-белый сгусток света и помял его. Его глубокие, как ночное небо, глаза довольно прищурились, а в их глубине вспыхнули искры, словно далекие звезды.

— Системка, можешь передавать память.

Хотя 0937 и выбирал моменты, когда хозяин был один, все же стоило поторопиться: если кто-то ворвется в комнату в процессе загрузки, будет не очень хорошо.

— Хозяин, у меня есть порядковый номер, пожалуйста, зовите меня 0937!

Молочно-белый сгусток в пальцах мужчины принимал самые причудливые формы. Несмотря на протесты, его глаза-бусинки светились таким блаженством, что, казалось, вот-вот втянутся внутрь, а сам свет приобрел розоватый оттенок. Было очевидно, что мужские руки доставляли ему невероятное удовольствие.

Насладившись моментом, 0937 все же вовремя скинул Чэнь Хэмину воспоминания прежнего владельца тела. Бегло просмотрев их, Чэнь Хэмин помрачнел.

— Задание началось, хозяин, удачи! Вы же номер один в группе пушечного мяса, никто не сможет побить ваш стопроцентный показатель отыгрыша роли! — из округлого светящегося шарика вытянулись две похожие на спички конечности и с трудом сложились в ободряющий жест.

— Какая еще опора? Скорее, самый большой неудачник в отделе неудачников! Вернусь — обязательно найду начальника. Если он не предоставит мне мир для отдыха, я переведусь в другой отдел и оставлю его разгребать это дерьмо в одиночку!

— Хм? У этого пушечного мяса в придачу еще и маленький «пушечный мятенек»? Один труп... нет, два трупа за раз? — Чэнь Хэмин почувствовал, как к горлу подкатил ком.

Похоже, из-за недоедания щеки юноши впали, лишь у самых губ сохранилась полоска мягкой плоти. Меж бровей залегли глубокие морщины, выдававшие застарелую печаль. Если бы не сияющие, полные жизни черные глаза, кто бы поверил, что этому человеку едва перевалило за двадцать?

Слишком жалко. Неудивительно, что этот «пушечный персонаж», осознав свою роль, решил все бросить. На его месте... хотя, он сам — главный неудачник отдела, все равно пришлось бы работать.

В крошечной спальне помещались только кровать и старый письменный стол с облупившейся краской. На стене напротив, прямо над кроватью, были вбиты два гвоздя, между которыми натянута ржавая проволока.

Несмотря на то что у 0937 были только глаза-бусинки, отличное зрение высокотехнологичного устройства позволило ему заметить подавленность, застывшую на лице Чэнь Хэмина.

Мужчина подошел к столу, где стояло зеркальце размером с ладонь. В треснувшем стекле отразилось чистое, миловидное лицо.

— Хозяин, именно из-за высокой сложности начальник и поручил это задание вам! Вы же лицо нашего отдела, наша опора, что бы мы без вас делали...

— Ну-ну, — пухлый колобок отчаянно запрыгал между ладонями юноши. — 0937 тоже постарается помочь хозяину!

Привычно проигнорировав болтовню 0937, Чэнь Хэмин оглядел комнату.

Система, тихо отлетев подальше, заговорила в голове у Чэнь Хэмина нежным, почти детским голосом, в котором, однако, сквозила явная лесть. Одним из главных стимулов, удерживавших его в отделе пушечного мяса, была скрытая привилегия: после преодоления кризиса можно было уехать в небольшой мир подальше от главного героя и как следует отдохнуть. Иначе кто бы добровольно согласился на такую каторжную работу?

На проволоке висели несколько выцветших рубашек и джинсов, занимая половину места. На другой половине сушились детские вещи. Судя по разному стилю и поношенному виду, нетрудно было догадаться, что это обноски, переданные маленькому пушечному мясу от других детей.

Чэнь Хэмина не раз уже обводил вокруг пальца старый лис, поэтому он быстро взял себя в руки. Пока он прикидывал, как бы содрать с начальника шкуру по возвращении в Пространство Главного Бога, он уже ловко спрыгнул с кровати.

— Этот парень умирает в самом начале сюжета?! Значит, я пройду через все мучения, только чтобы сразу отправиться на новое задание, где меня снова будут мучить?

В конце концов, он пушечное мясо. Даже если начать с несметными богатствами, в итоге все равно придется жертвовать собой ради главного героя. Он уже привык.

Легким движением руки он поймал систему, которая думала, что спряталась достаточно далеко. Потискав пухлый шарик, Чэнь Хэмин наконец выдохнул.

Очередной бедный и несчастный пушечный персонаж. Хорошо хоть, что он был чистоплотен и поддерживал порядок в этом убогом жилище, что немного радовало Чэнь Хэмина.

Очень убого — таково было первое впечатление.

— Опять новое лицо, все еще непривычно, — Чэнь Хэмин попробовал улыбнуться своему отражению. Его блеклое, едва ли миловидное лицо внезапно ожило. Круглые глаза, похожие на плоды личи, игриво прищурились, тупые уголки глаз и четкие двойные веки — все это придавало ему удивительную живость.

— Лицо с огромным потенциалом, жаль только... — жаль, что оно досталось пушечному мясу. Это не только не поможет, но и навлечет беду.

Вздохнув, Чэнь Хэмин стер улыбку. Он зажмурился, а когда открыл глаза, в зеркале словно отражался уже другой человек.

Хотя лицо было тем же, но остекленевший взгляд, уголки губ, которые он пытался поднять, но они безвольно опускались, привычка смотреть в пол, словно прячась от кого-то, — вся эта забитость и робость превратили его в совершенно другого человека.

С этого момента он — Дань Ниншэн, прилежное и бездушное пушечное мясо.

Открыв дверь спальни, Чэнь Хэмин посмотрел на такой же обшарпанный журнальный столик. Как и в воспоминаниях Дань Ниншэна, маленький пушечный персонаж послушно сидел за столом и рисовал. Услышав звук открываемой двери, он поднял глаза, похожие на черные виноградины. В этих влажных глазах малыша читалось нескрываемое ожидание.

— Нао-Нао, ты доел то, что папа оставил? — Чэнь Хэмин просиял, глядя на белого и пухлого малыша, который, сидя на маленькой табуретке, едва доставал до края стола. И правда, человеческие детеныши, которые не плачут и не капризничают, — самые милые!

— Папа, Нао-Нао все съел, тарелочку в раковину поставил, я слушался папу и сам не мыл, — тоненький детский голосок к концу фразы невольно растянулся. Малыш болтал короткими ножками в воздухе, затем уверенно встал на пол, раскинул пухлые ручки-сосиски и, шлепая пятками, бросился к Чэнь Хэмину.

— 0937, ты слышал? Он даже говорит уменьшительно-ласкательно, умеет сам кушать, а ноги до пола не достают, это так мило, я сейчас умру от умиления!

Чтобы сохранить образ, Чэнь Хэмин мог лишь сохранять привычную мягкость, но внутренний

восторг выплескивал через ментальную связь прямо в 0937.

Столкнувшись с обезумевшим хозяином, обиженный пухлый шарик презрительно окинул взглядом этого отвратительного человеческого детеныша, у которого еще не все зубы выросли, и холодно напомнил:

— Хозяин, позвольте напомнить: он такой же пушечный персонаж, как и Дань Ниншэн. Советую не привязываться. И вообще, вам не кажется, что сюсюканье — это противно?

Мягкая улыбка Чэнь Хэмина на мгновение застыла.

— Толстяк, хочешь, чтобы я тебя снова заблокировал?

Небрежно отмахнувшись от вредного сгустка света, он наклонился и подхватил малыша, от которого пахло молоком. Чэнь Хэмин опустил голову, глядя на ребенка, который с надеждой ждал похвалы, и подыграл:

— Нао-Нао такой молодец, папа тебя очень любит.

— Нао-Нао тоже очень любит папу.

Ребенок, кажется, застеснялся. Его белые щечки порозовели, большие глаза то и дело поглядывали на Чэнь Хэмина и тут же прятались, словно маленький хомячок, выглядывающий из норы.

Милота. Так и хочется потискать.

Легонько взлохматив мягкие волосы ребенка, Чэнь Хэмин с трудом заставил себя убрать руку. Не то чтобы у него не было твердой воли, просто Нао-Нао был слишком уж податлив: он послушно задирал голову, позволяя ерошить свои волосы, и глупо улыбался, прижимаясь головкой к его ладони, совершенно не чувствуя опасности.

— Папа, ты сегодня очень радостный? — круглолицый малыш смотрел на него сияющими глазами. Его внезапный вопрос застал Чэнь Хэмина врасплох.

— Разве папа не каждый день радостный?

— Нет, по-другому, — малыш покачал головой и склонил голову набок, заглядывая Чэнь Хэмину в глаза. — Сегодня у папы глаза блестят, они красивее, чем звезды.

— Ну, сегодня Нао-Нао так хорошо покушал, конечно, папа рад, — мягко отговорившись, Чэнь

Хэмин усадил ребенка обратно на табурет рисовать, а сам пошел на кухню.

Моя посуда, он краем уха прислушивался к тому, что происходит в гостиной. Он что-то напридумывал? Или Нао-Нао слишком проницателен и заметил разницу между ним и настоящим Дань Ниншэном?

— Хозяин, этот сопляк — обычный человек, то, что он сказал, — просто совпадение.

0937 летал туда-сюда, мельтеша перед глазами и действуя на нервы.

Снова взглянув на Нао-Нао и вспомнив печальный конец ребенка из воспоминаний оригинала, Чэнь Хэмин невольно нахмурился.

Малыш, который каждые пару штрихов поднимал голову, чтобы посмотреть на него и одарить сладкой улыбкой, был приемным сыном оригинала. Его звали Нао-Нао, а полное имя — Шань Лэянь. Пушечный персонаж, чья судьба была, пожалуй, даже трагичнее, чем у самого Дань Ниншэна.

Три года назад оригинал проводил в больнице в последний путь своего единственного близкого человека. Тогдашнему Дань Ниншэну только исполнилось восемнадцать. Вместо того чтобы в школе переживать о том, в какой столовой пообедать, юноша уже давно бросил учебу, погряз в долгах ради лечения бабушки и в итоге не смог удержать того, кто был к нему добр.

Когда он был в полном отчаянии, оригинал подобрал в переулке у больницы годовалого Нао-Нао. Тогда Нао-Нао был совсем как деревянный, не реагировал ни на какие вопросы, даже когда оригинал хотел отвести его в полицию, он не сопротивлялся, словно кукла без души. Испугавшись, оригинал поспешил забрать его обратно в больницу.

— Аутизм?

На скамейке у больницы опустившийся юноша смотрел на ребенка в своих объятиях. Его взгляд упал на худое, желтоватое личико.

— Тебя бросили, потому что ты болен? Как раз и я никому не нужен. Если никто не придет за тобой, давай жить вместе, хорошо?

— Обещаю, я никогда тебя не брошу.

— Хорошо.

Тихий, хриплый голос едва уловим прозвучал в ветре, и только маленькая ручка, лежащая на тыльной стороне ладони юноши, передала едва ощутимое тепло.

<http://bllate.org/book/20208/2011023>